

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ

КОЛЯН

Евгений Щепетнов

Колян

«Щепетнов Евгений»

Щепетнов Е. В.

Колян / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,

90-е годы, их называют «лихими». Лихими – от слова «лихо». А что такое лихо? То же самое, что «зло». Злые годы. Злые люди. Голодные люди. Как жить, если ты не умеешь ничего, кроме как стрелять, и копать? Если ты не нужен стране, если ты устал от войны, устал от этой жизни и все, чего ты хочешь – это чтобы тебя не трогали. «Черный копатель» – кто он? Сталкер, который умеет найти то, что нужно «барыге», и за что тот даст денег. И тогда можно будет какое-то время прожить, не думая о будущем, заливая память алкоголем. Колян – «черный копатель». Прошел «горячие точки», выживший на войне, выброшенный на берег реки жизни без копейки в кармане и живущий по принципу «прошел день, жив – и хорошо!» Он ни на что ни надеется, он никуда не стремится – просто живет, так живет, как – может. Но жизнь его резко меняется. «Выстрел из прошлого», тайна, которая обрушится на него со скоростью и жестокостью селевого потока, несет его в неизвестное будущее. И тут уже держись! Весь мир против него!

Шпана, менты, бандиты – все! Но не так-то просто взять Коляна, и уж точно – не голыми руками. Бывший разведчик, он даст отпор и отомстит тем, кто заслуживает мести. Потому, что по-другому нельзя. Время такое!

© Щепетнов Е. В.

© Щепетнов Евгений

Содержание

Глава 1, в которой Колян знакомится с фрицем и его «друзьями»	5
Глава 2, в которой Колян узнает о кладе	13
Глава 3, в которой Колян читает письмо с того света	24
Глава 4. В которой Колян заряжается и снаряжается	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Щепетнов

Колян

Глава 1, в которой Колян знакомится с фрицем и его «друзьями»

Лето... Жара... Колян сидел в электричке возле тамбура и смотрел в окно на пролетающие мимо деревья, дома, полустанки...

Электричка неслась от станции к станции, извергая на каждой остановке толпу дачников с рассадой, корзинками и узлами, и заноса в вагон таких же возбужденных распаренных мешочников.

Коля поморщился, оставил рюкзак на скамейке и вышел ненадолго в тамбур – покурить.

В грязном тамбуре противно пахло какой-то кислятиной, блевотиной и раздавленными окурками, и еще отчетливо – мочой...

«Совок», – подумал Колян. – «Суки, обосрали все...» – но при этом и сам кинул окурочек на пол и раздавил его ногой, ухмыльнувшись: «*И я свинья, а что, тоже из народа!*».

Он прошел на свое место и стал опять пристально смотреть в окно, обдумывая будущую работу...

А работа его заключалась в поиске военных артефактов в местах боев. Линия обороны советских войск проходила рядом с городом. Она часто менялась, так как позиции переходили из рук в руки. При достаточном умении и знании вопроса можно было откопать что-нибудь интересное, стоящее, то, за что коллекционеры дадут хорошие деньги. Деньги настоящие, зеленые, а не деревяшки, которые в царящие девяностые годы беспрерывно то обменивались, то превращались в пыль... А у.е. и в Африке у.е.

Коля уже не первый год копал «по войне». С этого ремесла можно было очень неплохо жить. На хлеб, масло и даже неплохой коньяк хватало.

Конечно, хорошо было бы иметь металлоискатель... Но те, что были доступны, советского производства, годились лишь на то, чтобы найти ведро помоев, накрытое газетой «Правда», а импортные стоили дорого и считались роскошью. Инструментами обычного «черного следопыта» (да, и не только «черного») были щуп и лопата.

Щупом, обычно сделанным из тонких, но прочных стальных стержней, прощупывались окопы, блиндажи, все подозрительные места. Он ввинчивался в землю до тех пор, пока не упирался в преграду, и опытный поисковик мог определить по звуку, отклику в руку, что перед ним – кость, дерево или металл.

До Коли доходили слухи об импортных металлоискателях, способных взять цель на глубине полутора метров и определить ее размеры, но для него это было чем-то из разряда сказок, как о Коньке-Горбунке.

Время текло незаметно. Мысли тоже...

Коля представлял себе карту района и прикидывал, где можно еще копнуть: «*В прошлый выезд хороший железный крест взял. Вот бы еще такой копнуть – и жить можно...*»

Время наступило такое, что или ты горбатишься на производстве за копейки, не получая их по полгода, или торгуешь какой-нибудь хренью и тебя доят бандиты, менты и все, кому не лень... Или же сам идешь в бандиты – доить «барыг» и быть, в конце концов, или убитым, или «закрытым».

Колян выбрал другой путь – работу на открытом воздухе. Все почище и поинтереснее, здоровый образ жизни опять же... Хотя он, конечно, лукавил с собой – занятие это было не

очень благодарным и, частенько, незаконным, а временами он рисковал потерять не только здоровье, но и саму жизнь.

В эти лихие времена многие, если не все копатели, промышляли, в том числе, сбытом найденного оружия, найти которое было совсем несложно – земля в местах боев была просто нашпигована военным железом.

Было в этом деле что-то мистическое. Не раз выкапывает, к примеру, Колян, ствол – ну кусок говна, в труху весь изржавел, а рядом, буквально в полуметре, выкапывается такой аппарат, что почистил чуток, стряхнул землю, передернул и стреляй!

Никто не знал, почему это происходит, какие физические процессы на это влияют, но Коляна это и не интересовало – похеру почему, главное, сколько стоит и что за это будет – повяжут – не повяжут, накроют – не накроют...

Все это оружие потихоньку сбывалось через известных посредников, которые, как несложно догадаться, имели крышу и у бандитов, и у ментов с фээсбшниками.

У Коляна не было особых запросов к жизни. После того, как он чудом выжил в чеченской мясорубке, он жил одним днем – продал выкопанное, купил еды, водки, шмотья, еще день пережил – и слава Богу.

Война отучила его рассуждать на годы вперед. Он все еще был на войне – там, где сейчас, сию минуту, ты хлебаешь водку из эмалированной кружки, а через пять минут корчишься на дороге в поганом горном кишлаке, подстреленный, но не убитый латышской снайпершей. Разумеется, она делала это специально. «Прощьет» бойца не до смерти – его, конечно, ползут выручать, и она, сучка, расстреливает всех спасителей. Таким образом эта тварь набивала до десятка человек, пока ее не пеленговали и не накрывали огнем из всех стволов, иногда даже пуская в ход артиллерию.

У них был один офицер, капитан с кличкой Гинеколог. Когда поймали однажды эту латышскую биатлонистку, приехавшую заработать на смерти пацанов, он засунул ей во влагалище гранату и, дернув кольцо, отбежал... Кровавые ошметки висели с деревьев, камней, повсюду. Даже видавших виды парней рвало.

Потом Гинеколог попал в плен к чичам и его выкупили за несколько ракетных пусковых установок типа «Игла», из которых потом палили по нашим.

Колян выжил в этой мясорубке, отделавшись осколком гранаты в зад и срезанным пулей кусочком левого уха. Чуть бы правее – и в лоб, мозги развесились бы по деревьям – но уберег ангел-хранитель.

Колян задумался: *«Бабка, наверное, молилась... Матери-то я всегда нахрен не нужен был, ей свою жизнь устраивать с «новым папой» надо... Жалко бабку. Одна она и совала мне рублик – «иди внучок, купи мороженого «... Померла, пока я ползал по грязи под пулями, не дожидая».*

Коля грустно вздохнул и опять приткнулся взглядом к окну.

«Надо за комнату платить, хозяйка не дай Бог вопрется в хавиру, а там арсенал. Сука – заявит еще,» – подумал он. – *«Вчера подкатывала, ныла – «За комнату куда отдашь?! Лазил и лазил, пачкал везде! Вот ужас заявлю на тебя, все равно денег не платишь!»*

Отделался он, только вручив ей пузырь и пообещав в понедельник по-любому расплатиться.

Незаметно подплыла станция Раскатово.

Колян поднялся с жесткой, отполированной задками пассажиров скамьи, накинул на плечи выцветший, набитый продуктами и инструментами рюкзак и шагнул на раскаленный июньским солнцем перрон.

Шагать ему было еще километров пять, до опушки леса, где и проходили позиционные затяжные бои.

Колян шел по дороге, привычно отслеживая обстановку по сторонам – не следит ли кто, нет ли ментов, конкурентов, шпаны какой – копание по войне это вам не детские игры, тут можно и голову сложить – попав не в то место, не в то время и не в ту компанию.

Ходили слухи о поисковиках, бесследно пропавших в этих лесах – то ли в болоте утопили, то ли подорвались на минах или снарядах, то ли лихие люди упокоили их шепутные головы...

Колян не для того выжил в чеченской мясорубке, чтобы сгинуть за триста баксов в пригородном лесу, потому шел осторожно, как говорили старые вояки «на щелчке» – это когда оружие снято с предохранителя и ожидаешь нападения со всех сторон, готовый к выстрелу.

Коля не был этаким Рэмбо, но ему приходилось убивать. Он видел смерть в лицо, и выглядела она совсем не по-киношному – в говне, крови, кишках, выпавших из живота и без единого крика «За Родину! За...» – да хрен знает за кого уже давно кладут головы наши пацаны, которые еще и бабу-то голую не видели, а вот кровь и разбросанные по земле мозги товарища – это пожалуйста.

Дорога пылила и извивалась вдоль деревеньки, лугов, пастбища с вьющимися оводами и мошкаррой...

Метрах в ста от околицы стояла группа местных парубков – они увидели Колю и стали что-то бурно обсуждать, показывая на него пальцем...

Колян предусмотрительно взял подальше от них и углубился в лес справа от дороги, шагая перпендикулярно проселку.

«Б...ь, болван я! Нах... я поперся возле деревни?! Теперь этих пид...сов местных возбуди!» – Колян крикнул и продолжил проламываться сквозь кустарник дальше в лес.

На старой просеке, заросшей кустарником и осинами, он увидел оплывшие остатки когда-то вырытых тут окопов... Только опытный глаз мог их заметить, просканировав поверхность земли умелым взором. Грибник, пройдя мимо этих объектов, и не понял бы, что такое находится в этом месте, но Коля сразу определил – тут могут быть перспективные точки. Стоит начинать поиск.

Впрочем, тут все было нашпиговано военным железом, так что-только фарт мог помочь найти что-то ценное.

«Хорошо бы найти немчуру, жмура офицерского, их хоронили в орденах, при оружии», – подумал Колян и вытащил из рюкзака тонкий, гибкий, но прочный стальной щуп, в зачехленной виде выглядевший как спиннинг.

Он взял его за рукоятку, приделанную крест-накрест к стальному штырю и стал вводить прочный стержень в мягкую лесную почву, втыкая его почти до основания.

Так прошло около часа, потом под щупом что-то глухо стукнуло.

«Не дерево. Костомеха, по ходу дела, – подумал Колян – По-любому копать надо».

Достал из мешка сложенную саперную лопатку, свинтил ее и начал копать, разгребая и откидывая двумя руками рыхлую, перевитую корнями землю.

Лопата глухо стукнула о желто-коричневые кости...

– Ага... Жмур! По ходу, ганс – теекс... Что тут у нас – ага – кабура... Похоже от парабеллума...с курицей. Жетон какой то... хммм... мля... по ходу, жетон не простой... мож гестапо, полицай... реально можно приподнять штукарь баксов! – Колян, лихорадочно закопался глубже, отбрасывая в сторону желтые кости с налипшим местами тряпьем – стали видны остатки сгнившего мундира и портупей.

«Мля, портупея сгнила, а кабура ни хера! Что за черт!» – Колян не верил в мистику, хотя частенько слышал рассказы о том, что на местах боев случаются всякие мистические вещи, мол, призраков видят или огни.

«Херь это все, – всегда говорил Коля – Живые страшнее. Жмур он жмур и есть – если не сгнил до конца – воняет. А сгнил – землей пахнет и болотом. Нехера придумывать. В это

вот все «пионеры» верят, когда наши придумывают всякую хрень, чтобы отпугнуть их от раскопок, конкурентов убирают».

Лопатка звякнула обо что-то – *«Мож ствол? В кабуре его не было... нет... фляга... прикольная... из-под коньяка, серебряная или мельхиор... тоже с курицей! Везет тебе, Колян!»* – подумал он и тут же сплюнул, – *«Не слазить бы, что-то больно уж пруха седня...»*

Фляжка была отличная – целенькая, без следов коррозии, с завинчивающейся крышечкой и «курицей» – имперским орлом на слегка изогнутом боку.

Колян положил флягу и кабуру в рюкзак и продолжил рыть.

Из раскопа показалось что-то круглое. *«Ага – колпак, цц по-ходу, а вот и дырочка – ну-ка, куда его наш солдатик засветил... Хорошо попал, грамотно, трехлинейка работала, чисто прошла бронбойным... А не ходи, сука, к нам, не сри тут...»*

Колян отложил каску в сторону, чтобы чуть позже вычистить из нее грязь и продолжил копать....

Лопата опять стукнула обо что-то металлическое – *«Ну мля – мож хоть ща ствол – куда он сука дел-то его. Мож сгнил...»*

Колян потянул из земли что-то продолговатое, вынул, обтер грязь и землю черными, заляпанными пальцами и невольно вытаращил глаза: *«Ни хера себе! Эсэсовский кинжал! Их выдавали при вступлении в СС офицерам! Мляяя... Я за него всю кровь поганую из барыги выпью! Живем, Колян!»*

Он радостно хохотнул и еще раз протер руками предмет – в руках его лежали ножны, скорее всего из мельхиора, тускло светившиеся сквозь грязь, а на верхней части их сидела «курица».

«Мля – рукоять целая! Деревянная – как не сгнила – х...й ее знает!» – он осторожно потянул за рукоять, и клинок довольно мягко вышел из ножен.

«Целый! Мля я за него тачку куплю, в натуре!» – Коля в восторге вскочил и засмеялся. Он сунул находку в рюкзак – *«Копать надо. Потом все разгляжу!»*

Его охватила неистовая радость – нечасто поисковику выпадают такие находки, а многим и за всю жизнь так не фартит.

Коля как следует уложил находки в рюкзак, завязал горловину и присел на бугорок перекурить это дело.

«Надо аккуратно покопать – могут быть кресты и еще какая-нить шмурдятина, не простой ганс попался...»

Он нервно покурив, загасил сигарету о землю рядом с собой и собрался вставать, когда до его слуха донесся треск ветки – сзади и чуть в стороне, в том направлении, откуда он пришел.

Колян напрягся – на просеку вышел этакий парубок, в адидасе а-ля колхоз, с мутными глазами и тупой, отекающей физиономией с маленькими, пороссячьими глазками на красном от алкогольных излишеств лице.

«Бык» цепко осмотрел просеку, раскоп, Коляна, рюкзак рядом с ним и нарочито гнусавя, с блатными мотивами, сказал:

– Ну чо, брателла, дохера ништяков копнул?

Колян, оцетинившись, бросил:

– А тебе чего, ты чо, налоговая или из ментуры?

– Чо чо, е...т в очо – ты хули на нашей земле копаешь? Тебе чо, разрешение давали?

– А ты чо, мля, администрация чтоли, разрешение выдаешь? Или купил землю? – Колян подошел к «быку» и, затянувшись сигаретой, выдохнул ему дым в морду. – Хули предьявы толкаешь, в натуре, ты кто такой, чтобы мне предьявлять?

– Кто? Ты борзый лошок, смори мля, не надорвись копаючи! Вали с нашей земли, и барахлишко давай вытрясай. Поглядим, чо накопал. Лошара!

– Слышь, чмо рогатое, ты иди понтуйся у себя в коровнике, я мля таким е...ло бил пока ты еще спиногорызмом корову за сиськи дергал. Свали отседова...

– Лано, мля, лошарик, мы с тобой еще потолкуем, отсос городской...» – бычара повернулся и, продираясь через заросли ежевики, поперся к опушке леса.

Колян присел, нервно докуривая сигарету, и стал лихорадочно думать: *«Эти козлы так просто не отвязнутся. Надо пути отхода определять. Перехватят падлы у станции...а то и раньше».*

Коля достал карту района, посмотрел: «До ближайшей станции километров 15, до трассы – 10, в сторону от этой станции. Валить надо отсюда, добром это все не кончится».

Он положил карту в карман, закинул рюкзак за спину и собрался уходить, когда услышал крики с опушки:

– Эй, гандон, выходи побазарим, педрила! Эй, городской. Быстро сюда, казел!

Другой голос, пробубнив что-то своим, крикнул:

– Ну не ссы, иди сюда, базар к тебе есть! Хули ты ссышь, давай сюда, познакомимся, побазарим...

Кто-то хохотнул и послышалось:

– Мля, молчите, чо вы бубните, в натуре! Он щас чухнется и свалит!

«Агааа...» – подумал Колян – *«Там их целая кодла! Ща прям так я и выйду к вам! Суки позорные! Попробуйте взять, уроды!»*

Он пружинисто вскочил на ноги и крикнул:

– Сосите х. й, волки позорные. У пожилого зайца притом! – и скакнул в сторону, в подлесок.

Гулко ударил выстрел.

«Мляяя – из «кулака» мочат, с обреза!» – понял копатель.

Хлестко ударил еще выстрел.

«Винтарь, мля, по-ходу карабин 7.62... ну тупеец тебе, Колян!» – мелькнуло у Коли в голове.

Пуля вонзилась в дерево рядом с его щекой, обдав пылью и щепками, и Коля, петляя, побежал в сторону чащи леса. На несколько секунд он остановился, спрятавшись за деревом, развязал рюкзак и вытащил саперную лопатку, потом помчался дальше, стараясь не подвернуть ногу на скользких, покрытых мхом кочках.

Выстрелы хлестали один за другим – бандиты палили судя по звуку так, как будто у них с собой был целый арсенал оружия и патронов.

«Так, их там человек 6-7, судя по голосам. Загоняют по всем правилам, как волка, насмотрелись, пи...ры, кин всяких по карателей, как партизана выкуривают. А чего, патронов тут море накопать можно, что их жалеть-то...»

ББББАХ!

«Ни х...я себе, – Колян пригнулся. – Колотушку кинули, сработала как часы, умели же Гансы делать вещи! До сих пор бабахает, как со склада...»

Он перебежками пошел от дерева к дереву. Хлестнул еще выстрел, еще... Рука онемела – пулей выбило саперку и лопата улетела в болото, с хлопаньем и брызгами исчезнув в забурчащей и испутившей газы жиже.

«К болоту жмут, суки... Теперь и отмахаться нечем, – с тоской подумал Колян. – Надо что-то думать. Зажмут и кирдык! Болото изгиб делает, как раз там и попадусь.»

– Рус, сдавайся! – отморозки со ржанием еще пару раз бабахнули в его сторону.

– Эй, городской, чо, в штаны насрал? Выходи, побазарим! – бандиты весело рассмеялись и, растянувшись цепью, через 15-20 метров друг от друга, пошли в его сторону.

«Обкуренные, суки...» – подумал поисковик.

Колян бежал вдоль болота, тяжелый рюкзак бил его по спине, там гремели, перекатываясь находки, а в голове мелькали мысли: *«Так, остановись. Подумай... Вот яма. Спрятаться – не заметят? Заметят. Чем отвлечь? Рюкзак, да. Они растянулись далеко, подлесок густой, не видно. Отвлечь, залечь в яму, выскочить сзади и мочить. Чем мочить-то?! Саперки-то ек! Вот болван – а кинжал цц? Точно!»*

Колян остановился, лихорадочно вытряс из рюкзака вещи. Нашел кинжал, сунул за пояс, остальное сложил в мешок и бросил его так, как будто выронил при беге. После этого одним прыжком спустился в неглубокую на вид яму, заполненную грязной жижей.

Яма только на вид казалась неглубокой. Он мгновенно погрузился по пояс, правда жижа оказалась не трясиной, а жидкой субстанцией, как густой чай или кисель и совсем не сковывала движения.

«Суки, всю жизнь в дерьмо кунаюсь!» – подумал Колян и погрузился в жижу почти полностью, замаскировав голову кусками какой-то тины, водорослей и грязи – *«Обкуранные, внимание у них никакое, не заметят. Если бы профи были, хрен бы отлежался, а так шанс есть!»*

Колян крепко зажал в руке эсэсовский кинжал и затаил дыхание...

Послышались шаги, хруст валежника и два отморозка приблизились к яме, где прятался Коля...

– Гля, Кабан – этот лошара обосрался, сидор свой кинул! Зырь, там полно набито, идем глянем!

Они миновали яму, загипнотизированные видом Колиного рюкзака и стали возбужденно трясти набитый «сидор».

Колян тихо поднялся из грязной ямы, благо, что жижа, стекающая с него, не булькала как вода, так как была слишком густа для этого, и стал осторожно подходить к мародерам.

Отвел руку назад, зажав в ладони кинжал и коротко, точным движением воткнул его одному из отморозков в почку.

Надо сказать, что при подобном повреждении почки в организме сразу падает кровяное давление, человек теряет сознание мгновенно, не издав и звука – это удар из арсенала спецслужб и диверсантов...

Кабан молча упал лицом вниз, так, что его напарник даже и не понял что случилось, тем более, что соображал он медленно – его мозги были забиты анашой и самогоном...

– Ты чо, Кабан внатуре? Чо с тобой?!

Он обернулся назад и тут Колян, на автомате, воткнул ему в живот эсэсовскую железюку – раз, другой, третий – выдернул и одновременно зажал рот бандита другой рукой, прижимая его башку к стволу дерева...

В воздухе резко запахло человеческим дерьмом, кровью и мочой.

Выпучив глаза, отморозок упал на колени, а Колян, зайдя ему за спину, откинул его голову и полоснул ножом по горлу, почти отделив ее от тела, и ловко отпрыгнул, чтобы струя крови не обдала его с ног до головы.

Отморозок забулькал раскрытым горлом, задергался, как паяц на ниточках и затих.

Колян обшарил трупы, забрал обрез трехлинейки – это он бұхал как пушка, посылая свои длинные острые пули, как когда-то в продотрядовцев и немцев. Забрал две гранаты-«колотушки» и пошел туда, где слышались голоса остальных «карателей».

Бандиты переключались между собой, время от времени постреливали в сторону болота, потом, судя по всему, остановились и начали что-то бурно обсуждать...

Колян дернул чеку одной колотушки, второй, выждал несколько секунд, чтобы время срабатывания запала было покороче, и одну за другой метнул их в сторону отморозков.

– АААА... МЛЯ... Ложись! – крикнул один, но не успел.

Колотушки сработали на славу, выбросив куски грязи, палки и иголки. По деревьям хлестко прошла плотная волна воздуха, сбивающая подсохшие листья и сухие ветки, и все затихло.

Колян выждал какое-то время и осторожно подошел к лежащим на земле парням.

Четверо отморозков лежали на земле без движения.

«Два жмура, один еще дышит, видать осколками посекло, и один так, больше обосрался от страха, почти не пострадал. Легкие ранения,» – привычно определил Колян.

Первый – тот, что еще дышал, тяжело раненный, явно был не жилец. У другого жмура снесло осколком полбашки и вокруг валялись желто-красные мозги, а один глаз свисал из глазницы на ниточке и пристально смотрел на Коляна. Третий – тоже мертвец, получил свою дозу осколков в спину.

Колян равнодушно, но внимательно осмотрел место взрыва, и подошел к раненому, который был в сознании – это был «бык», наехавший на него на месте раскопа.

– Ну чо, снова здорово, бычара. Ты хотел побазарить? Дак вот я и пришел...

«Бык» завозился и заскулил:

– Не убивай, пожалуйста! Я те бабок дам!

– Нах мне твои бабки? То-то я слыхал, что тут пацаны наши пропадали... Вы, что ли, гниды валили?! Правду говори, падла, смори, что будет с тобой! – Колян передернул затвор «кулака», направил ствол в голову умирающего отморозка и нажал на спуск.

Гулко ударил выстрел, теплые мозги и крошки костей черепа брызнули на «быка».

– Иииии... – тоненько заскулил тот, стирая с красной морды ошметки товарища. – Не убивай!

– Говори, сука – вы валили пацанов?!

– Мы! Мы! Забирали хабар и валили! Потом сдавали барыге в городе! Чтобы не лазили тут – валили!

– А менты чего? Неужели никто не трепанул?

– А чо менты, менты в доле, мы им отстегивали, как всегда! Барыш хороший. А болото все скроет, хер найдешь! Только не убивай, я те бабок дам – у меня под полом спрятано сто тонн баксов! Все отдам!

– Сто тонн, говоришь... Болото, говоришь... – Колян задумчиво смотрел на болото, освещенное лучами солнца, уже склоняющегося к деревьям, и нажал на спуск.

Пуля угодила отморозку в грудь, отбросив его назад. Парень заскреб пальцами рук по земле, выгибаясь дугой, как будто его подсоединили к высоковольтному проводу.

Колян передернул затвор, шагнул вперед и, отвернувшись, чтобы уберечься от брызг, выстрелил ему в макушку.

Выждав, пока судороги не прекратятся, он тщательно обшарил труп «быка» и остальных, забрал у них все деньги, что нашел в карманах – их набралось не очень много, но достаточно, чтобы погулять несколько дней группе отморозков. Затем собрал паспорта – у кого они были. Ломая сухие ветки, слегка дрожащими руками развел костер.

Пока пламя разгоралось, копатель выбрал место в болоте неподалеку с наиболее подходящей по виду трясинной и стал, тужась и кряхтя, стаскивать туда валявшиеся трупы.

Мертвецы, почему-то, намного тяжелее, чем живые люди, так что ему пришлось хорошенько потрудиться, таская мертвые тела. Он по очереди кидал трупы в болото, отталкивал их длинной сухостойной елкой и притапливал, пока последний труп не исчез в чавкающей черной жиже, выкатив белесые бессмысленные глаза в небо...

Потом Коля сжег документы, чадившие черным жирным дымом, будто пропитанные грязью своих мертвых хозяев. Закончив, он нашел мочажину, с застоявшейся темной, но достаточно чистой водой, снял одежду, и, вымывшись, выполоскал барахло, выжал и развесил вокруг костра...

Развязав рюкзак, достал найденную фляжку – в ней еще что-то плескалось, это Коля заметил еще тогда, когда выкапывал красивый сосуд из-под земли. Отвинтил крышечку – запахло коньяком. Попробовал на язык – коньяк как коньяк. Сделал глоток.

«Ништяк, эсэсовец! Понимал в коньяках, фашистюга...»

Хмыкнул и допил содержимое фляжки: *«Как раз мне в тему, а то трясется все нутро».*

«Сто тонн, мля, он мне сказал – сто тонн еще унести надо, а так все шито-крыто, ушли и не вернулись... Но – пока что надо завязать с этим районом на месячишко. А жмуранса прикопать и заметку сделать, потом докопаю...»

Он надел не до конца высохшую волглую одежду, вернулся на место, где раскопал эсэсовца, и закидал его землей и валежником. Закинул рюкзак за плечи и привычным, ритмичным шагом, как некогда по горным тропам, зашагал вперед.

До трассы идти было еще десять километров.

«Там остановлю дальнобойщика и до города,» – решил Колян. – «На квартиру и хавку уже есть, даже останется еще на месяцы вперед – с жмуров нормально собрал бабла. А там – загоню соху, медальон и можно будет вообще зажить...»

Колян бодрым шагом двинулся вперед. Совесть за шестерых убитых уродов его не мучила – мир точно станет без них чище, не будут коптить землю и плодить таких же ублюдков. Не они первые, не они, вполне возможно, последние...

Копатель шел, автоматически отводя лапы елей от лица и думал о том, что иногда все-таки можно добиться справедливости, но вот только почему-то с ножом в руке. Наверное, такова жизнь... по крайней мере, для него.

Коля выкинул эти мысли из головы и сосредоточился на обыденном – как жить, как быть и что день грядущий ему готовит.

Глава 2, в которой Колян узнает о кладе

Колян с трудом продрался сквозь сон, хлопнув рукой по будильнику, мерзко верещавшему на тумбочке у кровати. Башка нещадно трещала, а во рту будто ночевал эскадрон гусар летучих...

Вставать не хотелось, но и жрать что-то надо было – деньги, полученные после продажи эсэсовского кинжала, уже кончились, медальон тоже был прожран, пропит и прокурен. Ну никак не мог Колян удержать деньги... они утекали между пальцев, улетая бриллиантовым дымом к серому октябрьскому небу.

С вечера он договорился с барыгой о продаже оставшегося с копов хабара – прятг, крестов, всякого шумурдяка, но самое главное – автомата пэпэша и двух «волын» – парабеллума и вальтера пк.

Он все-таки докопал того «ганса», из-за которого ему пришлось замочить четырех отморожков. Не докопашь – таких, как он, ухарей хватает, быстро вычислят тему и по раскопу сработают на раз. А потому – через пару недель Колян снова был на том самом приметном месте и выкопал «жмура».

В этот раз обошлось без приключений, потому что действовал он осторожно, как волк, стороной обходя все населенные пункты, прячась за кочкой при каждом шорохе – береженого Бог бережет, а не береженого конвой стережет.

В результате раскопок он обзавелся парабеллумом с вальтером. ППШ он достал из блиндажа в том же районе – похоже, что советского офицера привалило при обстреле.

Все стволы были в прекрасном состоянии, только поржавели немного, но Колян разобрал, почистил их, смазал, и выглядели они очень даже внушительно – бабла барыга должен был отвалить нормально.

Колян редко занимался продажей стволов, но если уж они попались – не кидать же их в болото, как те, отморозовские, паленые – да и бабло нужно. Что и не говори, а жрать-пить надо, в конце-то концов. Не идти же в гопники, кидалы или в «быки» к мелкому районному авторитету.

Колян вообще испытывал отвращение к тупым «быкам» – будущему пушечному мясу бандитских разборок. Они долго не жили, да и, в общем-то, хорошо не жили. Это только в фильмах про итальянскую мафию мафиози живут и процветают. Наши «быки» понтуются какое-то время, а заканчивают свою карьеру на холодном прозекторском столе с канавкой для стока крови и нечистот.

Время лихое – девяностые годы. Легко делаются состояния и так же легко теряются. Человеческая жизнь не стоит ничего, милиция и спецслужбы не могут справиться с разгулом преступных организаций, растущих как грибы после дождя. Да и хотят ли они справляться?

Колян был уверен – нет. Зачастую отличить бандитов от ментов было невозможно – и те, и другие жаждут бабок и не ограничивают себя никакими условностями в борьбе за дьявольские бумажки.

Впрочем, Колян мало задумывался об этом, его больше занимало ежедневное выживание. Он привык принимать ситуацию так, как на войне: видишь врага – беги или убей. Или он тебя убьет.

Все просто – это враг, это... Бог знает, кто это, может быть тоже враг, но пока себя никак не проявивший, а поэтому всегда будь настороже.

Это как в Чечне – сейчас этот парень улыбается тебе, разговаривает с тобой и зазывает в гости, а ночью он выкапывает автомат и разряжает его по твоей палатке.

Жить надо, как считал Колян, по принципу – ничего не бойся, ничего не проси, следи за языком... и за спиной.

Продажа старого оружия была весьма рискованным предприятием – продавца могли и кинуть – жалуйся потом иди. Сделку могли накрыть менты, которым Колян, по большому счету, нафиг не нужен, но вот барыга с баблом им был очень даже интересен и, если бы накрыли барыгу, мимоходом взяли бы и поставщика стволов – копателя. И если барыга, возможно, и отмажется – Колян полетит на зону просто со свистом.

Барыга, с которым забил стрелку Колян, на́дух был какой-то гниловатый, копатель чуял это всем нутром. Но что делать? Новые контакты налаживать долго, а жрать хочется сейчас. Понять, что не так с этим барыгой, Колян не мог, но его тренированное чутье говорило – будь «на шелчке».

Колян вышел на барыгу через знакомого с погонялом Череп – кличку тот получил за то, что поставил у себя на столе выкопанный с хабаром череп какого-то ганса, надел на него штурмовую десантную немецкую каску и время от времени с ним разговаривал как с живым.

Не то чтобы Колян был нетерпим к чужакам и всяким дурковатым, но даже на его взгляд это был перебор, к такому челу надо было относиться с осторожностью.

Но деваться было некуда – тот барыга, что раньше скупал у Коляна хабар – бесследно сгинул. Ходили слухи, что его прибили бандиты за то, что он накалывал их с долей. Говорили, что бандюки откуда-то просекли, что он имеет оборот бо́льший, чем им говорит, а, значит, и отстегивать должен больше. Так слово за слово разборка превратилась в мочилово. Не он первый, не он последний.

Коляну было плевать на барыгу, но неудобство, созданное дебилами, зарезавшими курицу, несущую золотые яйца, его раздражало.

Новый барыга, на которого Колян вышел через Черепа, вызывал у него смутные ощущения опасности – в натуре, с какой стати тот интересовался тем, где Колян живет – типа чтобы поближе подъехать... Чисто, мля, для удобства Коляна, ага...

Колян давно уже не верил в бескорыстный интерес людей к своей личности. Если только это происходило не на войне, когда тебя прикрывает товарищ. Там, если ты не поддержишь товарища и он не поддержит тебя, вас обоих ждет смерть.

На гражданке все чего-то хотели друг от друга, выгадывали, обманывали, ловчили и норовили подставить. А потому веры им нет.

Колян надел потертые джинсы, подняв их из кучки одежды, комом брошенной в угол, нашел за креслом кожаную куртку, натянул вязаную черную шапочку, обул кроссовки и, взяв большую, застегнутую на молнию сумку с хабаром, вышел на грязную лестничную площадку.

Снизу потянуло сладкой вонью – в доме был мусоропровод и жильцы бросали в него все, что заблагорассудится. Это «все» гнило, воняло, кишило крысами длиной в полметра. За рубежом, откуда наши содрали идею этого мусоропровода, аккуратные буржуи упаковывают мусор в специальные мешки, закрывая его наглухо. У нас же, как всегда, все было доведено до абсурда, в том числе и помойка в доме, сладко пахнувшая полуразложившимся трупом...

Колян посмотрел на часы – ехать еще полтора часа. Он предусмотрительно назначил встречу на другом конце Города, на окраине рядом с комплексом гаражей, на всякий пожарный случай...

Хабар вместе с стволами вытягивал на 5 тонн баков и был довольно лакомым куском для всех, который Колян был очень даже намерен получить... если Бог даст.

«Кстати, пора думать и о зиме, куда-то пристраиваться – сезон копа кончился, на дворе конец октября, уже морозит, за городом хрустит лед в лужах. Пять тонн помогут продержаться месяца два-три, если особо на шиковать и не бухать, как вчера! – хмыкнул Колян. – На полгода не хватит. Вырубать хабар из мерзлоты топором не только не климатит, дак его еще и хрен найдешь – скоро уже щуп не пробьет замерзшую корку».

С такими мыслями Колян дошел до остановки, втиснулся в подошедший троллейбус, обивая углы тяжелой неудобной сумкой, плюхнулся на свободное место у окна, поставив сумку на колени, и замер, впав в полудрему.

За окнами уныло тянулся грязный Заводской район с изъеденными рытвинами мостовыми, забрызганными жидкой грязью бетонными заборами и афишными тумбами, пыльными венками на придорожных столбах, указывающими, где закончил свой путь обкурившийся мажор за рулем автомобиля или лихой бандит, подстреленный своими «коллегами» с «той стороны».

Люди, на тротуарах шли, сгорбившись под осенним ветром, пригибаемые к земле мелким, мерзким, морозящим дождичком. Ветер срывал последние листья с деревьев, перекатывал их по грязной мостовой и швырял в лицо людям, как будто сама природа давала понять, что она недовольна родом человеческим, и не намерена их любить – за все то, что они с ней творят.

От ТЭЦ в воздух поднимались столбы пара – вот-вот начнется отопительный сезон. Он должен был начаться еще две недели назад, но, как всегда, деньги поперли, котельные не подготовили. Трубы прогнили, магистрали прогнили... власть прогнила.

Впрочем, все как всегда в России, над которой весь мир уже давно проводит какие-то дьявольские эксперименты – революции, войны сменяют друг друга, как в калейдоскопе.

Скрипучий голос водителя из хрипящего динамика объявил Коляну о нужной остановке. Копатель тяжело подхватил угловатую сумку и вышел из троллейбуса в серый грязный мир за окном.

Автоматически огляделся на предмет наблюдения спецслужб. Отметил стоявший неподалеку импортный микроавтобус с затонированными стеклами, мятую с левого крыла бэжу с тонированными стеклами. Было видно, что кто-то в ней сидит – стекло было приопущено, а в щель вытягивало облачко синего дыма.

«Хммм... Не нравится мне что-то это все, – подумал Колян. – Чувство такое, как тогда, когда Серого подстрелили из зеленки, мля – как будто кто следит... Мож повернуть нахер... В рот парход этому барыге, продержусь еще на оставшиеся сто баксов, а потом подыщу покупателя?»

Но вдруг представил, как будет экономить, жрать плавленый сырок с поганим хлебом, без пива и коньяка, и мысленно махнул рукой – *«А! И не в таких условиях выживал. Все-таки город, не лес. В болоте не утонят, что-нибудь придумаю».*

Колян решительно шагнул к бэже, посмотрел на номера и постучал в тонированное стекло.

Стекло поползло вниз, из-за него выглянуло широкое красное хохлятское лицо:

– Чо хотел?

– С тобой базарили за стрелку? Ты Мозга?

– Ну, я. Ты – Колян, что ли?

– А не похож?

– Ну, садись назад.

Колян открыл заднюю дверцу и заглянул в машину. На заднем сиденье расположился крепкий парень в кожаной куртке и штанах с лампасами, который хмуро поглядел на Коляна и, не говоря ни слова, отвернулся к окну.

– Слышь, Мозга, мы так не договаривались с тобой! Почему не один? Что за чувак с тобой?

– Да не ссы... – досадливо бросил Мозга. – Это, типа, охранник мой. Сам понимаешь – бабло, хабар опять же, мало ли. Он ваще-то не памятливым и глуховатым – не услышал, не увидел, забыл. Давай, мля, не тяни время, нехера рисоваться, показывай товар и разбежались!

– Вначале бабло покажи... Товар-то есть, где хрусты?

Мозга кинул на колени Коляну пакет:

– На – пять тонн, как в аптеке.

Колян надорвал пакет, глянул, что в нем, выдернул из пачки пару пятидесятидолларовых купюр и посмотрел их на свет.

– Вроде настоящие...

– Настоящие, настоящие, мля – кончай kota за хвост тянуть, товар давай!

Колян сунул пакет с деньгами за пазуху и кинул тяжелую сумку с хабаром на переднее сиденье бэхи. Мозга раскрыл сумку, стал перебирать содержимое.

– Ага – мясорубка, две волены, колотушки, пряги, шмурдяк... Ладно, норма... Тебя подбросить к дому?

– Нет.

Колян протянул руку к дверце. Внезапно она широко распахнулась, и в салон ввалился здоровенный детина с бесформенными ушами и сломанным носом, видимо, бывший борец или боксер, зажав своим чугунным корпусом Коляна между «охранником» и собой.

– Куда брателла торопишься? Базар к тебе есть. Прокатимся сейчас.

– Мозга, что за хрень такая? Ты чо внатуре, волчара, творишь? – возмущенно крикнул барыге Колян.

– Ну, чо, чо... Ну, пацаны к тебе базар имеют... Я чо могу? С ними перетирай.

Бэха двинулась вперед, а за ней тут же тронулся микроавтобус.

«Чуяло, мля, сердце! Ну не хотел же я подходить... Чувствовал же, что гнильем пахнет от этой стрелы, но нет же – полез! – лихорадочно думал Колян. – На лодыжке стилет примотан... Валить этого носорога и выпрыгивать! Ну, завалишь – а как дверь открыть? Второй тут еще кантуется... не успеть. Надо дожидаться остановки... Потом.»

– Куда едем-то внатуре?

– А тебе не все равно? Сиди, мля, не вертись. – отрезал «охранник». – Узнаешь... напоследок.

«Носорог» прогудел:

– Фильтруй базар, Хомяк, нехера метлой работать...

– А я чо сказал-то – приедем, все узнает.

– Ну вот и не п...ди лишнего... Седой уши отрежет.

Мысли проносились в голове Коляна:

«Седой... Да, слыхивал про такого! Крышует барыг-антикваров, мелких и крупных, держит рынок оружия – я-то ему за каким хреном сдался, мелкий сталкер? Бабла у меня нету, хабарышко мелкий... Мля, это что-то связано с тем барыгой, которого замочили, кому я сдавал хабар раньше, к гадалке не ходи. Так, что же им от меня надо-то? И настроены серьезно, походу живым можно и не уйти. Если уйду – дергать из Города надо, что-то тут стало жарковато для такого бродяги, как я. Хоть бы стилет суки не засветили... Может прокатит? За лоха меня держат, это хорошо. Надо прикинуться илангом – пусть расслабятся. Хотя, не прокатит – вишь, как зыркают суки... Походу, все-таки что-то про меня знают, не расслабляются. Ладно, посмотрим, чо хотят.»

За тонированными стеклами бэхи тянулись вереницы старых, дореволюционной постройки избушек, перекосившихся от времени и гнили. С грохотом, толкая перед собой воздух пополам с желтой дорожной грязью, распыленной в тонкую взвесь, пролетали тяжелые грузовики.

«На выход из города направляемся... Куда же они, суки, меня везут?» – Колян прикинул в голове карту района. Подходило только одно место – известная турбаза, где был ресторан и сауна для любителей покуролесить с девками вдали от чужих глаз.

Это место очень любили, по слухам, чиновники администрации, которые всегда держали тесную связь с теневым миром – и те, и другие делали бабки вне закона, и конечно, всегда пользовались услугами друг друга.

В этой стране такое положение вещей было не только нормальным, но и просто положенным. Бандиты, раньше бегавшие в «адидасах» и собиравшие мятые засаленные купюры с ларечников, год за годом матерели, надевали малиновые пиджаки (а самые удачливые и костюмы от «Армани»). Им хотелось уже не только денег, но и власти, лишь она теперь могла принести удовольствие этим нуворишам, раздувшимся от дармовых денег. Просачиваясь в администрации всех уровней, они занимали там должности, вначале небольшие, а потом все более и более значительные. Ведь теперь они были БИЗНЕСМЕНЫ, а не Клоп, Слон, Челкаш и Фартовый. Впрочем, в душе каждого из них по-прежнему сидел хищник – зверь, который не считается ни с чьей волей, кроме воли более сильных и удачливых.

Бэха просигналила у ворот турбазы, шлагбаум поднялся, и машина захрустела по покрытой мелким гравием дороге.

Ели, склоняясь к дороге, пропускали машину в темный зеленый тоннель.

Она остановилась у деревянного сруба с массивными дверями, обитыми железными полосами. Коляна вытащили из машины, подвели к двери и втокнули внутрь. Он чуть не врезался головой в какие-то тазики и веники – содержимое помещения напоминало склад у сауны, где хранились банные принадлежности.

Дверь захлопнулась, и он остался один в темноте.

На ощупь Колян нашел стопку каких-то тряпок – простыней или полотенец, уселся на них и стал обдумывать, как бы свалить с этой дачи, да еще и сохранить за пазухой пять тонн баксов, которые ооочень даже пригодятся ему, когда он будет валить из Города, где земля горела под ногами.

«Суки, совсем, что ли, за лошка держат – даже не обыскали! Но вообще-то это обнадеживает... Ясно, что не профи работают, те бы заточку и в жопе нашли,» – Колян нащупал с внутренней стороны лодыжки прибинтованный обоюдоострый стилет в жестких кожаных ножнах.

Стилет был сделан, вероятно, из обломка старинной шпаги. Колян нашел его на одном из выездов на коп и решил оставить себе – денег за него много все равно не дадут, а при такой работе как у него, хороший клинок лишним не будет. Работать с ним Колян умел, все-таки готовили его к разведывательно-диверсионной деятельности, можно сказать, киллера из него делали, и делали умело. А война уже отшлифовала бойца до совершенства.

«Так что же им понадобилось от меня – денег? Я нищий, они об этом знают. Что я лично знаю такого, что их могло бы заинтересовать? Барыга? Ну и чего – барыга, он мне не сват, не брат был... Я к нему отношение имею только так, сбоку-припеку. СТОП! А пакет? Какой пакет мне оставлял Леший?»

Больше двух месяцев назад к Коляну с просьбой обратился его знакомый, тоже копарь по войне с погонялом «Леший». Копатель давно его знал и даже почти доверял. Был случай, когда они после удачной сдачи хабара зарулили в пивнушку и там здорово набухались. Местные шпанюки, которые живо просекли, что бабло у парней водилось, наехали на них в переулке, решили взять на гоп-стоп, когда парни потащились к остановке трамвая, поддерживая друг друга.

Шпанюков было четверо, они явно рассчитывали на легкую добычу, но двух третых-перетретьх «бродяг» взять было совсем непросто. Леший прикрывал ему спину, опираясь на Коляна (на ногах они держались не очень твердо, хотя пара пропущенных в балду ударов быстро их протрезвили).

Леший бил кастетом, который извлек откуда-то из недр своих широченных штанов-варенок, Колян подобрал обрезок трубы, и для шпаны все закончилось печально – через пару минут двое валялись в отключке, а остальные отползали, подвывая и размазывая красные сопли.

После того случая два парня и подружились....

Как-то раз Леший неожиданно появился к нему на квартиру и вполголоса, оглядываясь нервно и суетливо (что было на него совсем не похоже), попросил Коляна на время спрятать некий пакет – там, мол, важные документы. Ничего такого страшного, просто надо подержать их какое-то время и все, а то дома у Лешего держать их нельзя – ремонт идет, вдруг потеряются.

Колян был с тяжелого похмелья, ему было не до выяснения что почем, да и не любитель он был лезть в чужие дела – свои бы разгрести. Так что он сунул пакет на антресоли и благополучно забыл о нем на несколько месяцев.

С тех пор он Лешего не видел, и этот инцидент в памяти замылился, затянулся тиной. И вот теперь память выкинула на поверхность нужную информацию... Неужели этот пакет и был причиной его похищения?

Колян подумал еще минуты три и со вздохом встал: *«Чего морочить голову предположениями? Все равно скоро все узнаю...»*.

Он немного размялся в полной темноте – в чулане было сыро и холодно, как в склепе. Пошарился руками по полкам, нашел еще ворох простыней, развернул, сложил несколько штук вместе и закутался ими с ног до головы.

Прошло, наверное, часа два, и Колян, пригревшись, стал слегка задремывать. Снаружи чулана загромыхало, и в щель приоткрытой двери влилась тусклая серость осеннего дня.

На пороге Колян увидел Хомяка:

– Иди мля, копарь х...в, Седой с тобой базарить будет.

Колян сбросил простыни и перешагнул порог, а Хомяк сзади немедленно двинул парня кулаком в поясницу, подгоняя:

– Быстро, мля, шагай, урод! Ноги тащишь, как беременная шлюха!

Колян в ответ промолчал, сканируя местность вокруг:

«Елки стоят рядами, пространство просматривается и простреливается, за сосновым бором лес, река с той стороны, с этой овраг... Забор бетонный, высокий, хрен перескочишь. Наверху арматуры заточенные и колючая проволока. Вот, мля, устроили суки Бухенвальд. Лес для бухания, Бухенвальд!» – глупая мысль пришла к Коляну и он нервно хихикнул.

– Чо, мля, лыбишься, сука? Шагай шибче... напоследок. Больше не пошагаешь, – заржал Хомяк и еще раз крепко двинул его в спину.

«Походу, валить меня будут, других вариантов нет... Надо что-то придумывать, выбираться... Теекс... Спектакль разыграть придется!»

Наконец они пришли к одноэтажному, вытянутому, как кишка, зданию на самом краю турбазы. Тропинка от него тянулась к реке и упиралась в купальню с беседкой и лавками из дерева, отполированного и покрытого лаком. За причалом виднелась темная осенняя вода, покрытая рябью от холодного ветра. На берегу стояли легкие шлюпки, водные велосипеды и спасательные круги, напоминавшие об ушедшем лете.

Хомяк подвел Коляна к двери и втолкнул его внутрь. Колян влетел, с трудом удержавшись на ногах, и осмотрелся. В комнате стоял стол из темного, тяжелого даже на вид дерева, сервированный закусками и разнообразными спиртными напитками, а вокруг стола сидели пять человек – уже знакомый Коляну «Носорог», и еще четверо, которых Колян не знал, да и, впрочем, не хотел бы знать. Главным в компании, судя по всему, был хорошо одетый человек лет пятидесяти с седыми, практически белыми волосами. Он наткнул на вилочку аппетитный гриб и указал вилок Коляну на стул, стоящий в метре от стола:

– Садись, брателла, гостем будешь!

– Гостей так не приглашают, – дрожащим голосом сказал Колян. – Сказали бы, я бы приехал... Чо, внатуре, хватаете, тащите куда-то – я ничо не знаю, чо почем!

– Глохни! От вас дождешься, пока вы приедете... Да и как тебя пригласить-то, ты же где-то тихаришься. Еле-еле тебя выпепили, два месяца уже ловим.

– Да чо меня ловить-то, бабла у меня нет, машины нет, живу где придется! Чо я вам дался-то!?

– Ща узнаешь. Хомяк – налея братану рюмаху. Да и закусить дай – мы ж не фашисты в конце концов, дадим после первой закусить!

Бандиты заржали над шуткой Седого, а Хомяк налил стопку водки, подошел к сидящему на стуле копателю и протянул ему рюмку. Когда тот потянулся за ней, Хомяк выплеснул содержимое парню в глаза и неожиданно, резко ударил его поддых:

– Вот тебе рюмка, вот тебе, мля, закуска после первой! Еще щас закусить дам! – бандит еще несколько раз ударил Коляна в живот, и тот, изобразив полную потерю сознания, скрючившись, осел на пол.

– Эй, Хомяк, ты там с клиентом не перестарался? – обеспокоился Седой. – Он нам еще ничо не сказал! По башке не бей его, а то все повывает!

Хомяк для верности пару раз пнул Коляна по ребрам и глумливо протянул:

– Да не... Живой, лошара... Ща очухается. Я его только слегка приласкал...

Колян выждал несколько минут, простонал и открыл глаза.

– За что бьете-то, чо я сделал... Скажите, чо надо, я все сделаю...

– А если мне надо, то и отсосешь, лошара? – бандиты заржали – Ты за базаром следи, а то враз опустим!

Они опять поржали, потом зазвенели рюмки и заскребли вилки по тарелкам.

– Хомяк, усади его на стул – пока хватит с него. Ща посмотрим, чего нам этот лошок говорить будет, может, и живой останется. Дружок-то его уже давно раков кормит на дне, глупый был... Не знал, где молчать надо, а где говорить, ага.

– Вопрос первый – где карта?

– Какая карта? – просипел Колян. – Никакой карты не знаю!

Седой кивнул Хомяку, и бандит с размаху пнул Коляна в живот. Колян с трудом вдохнул и попытался выbleвать на пол содержимое желудка.

– Еще раз спрашиваю – где карта, которую тебе оставил Леший?

– Да не знаю я карты никакой! Не знаю! – в отчаянии прокричал Колян.

– Хмм... Может и правда не знает? – прогудел «носорог».

– Ну, хорошо. – задумчиво сказал Седой. – Спросим по-другому – Что тебе оставлял Леший?

– Ну, пакет он мне дал какой-то, сказал, чтобы я его припрятал как следует. А я х...й его знает, чего там такое!

Бандиты переглянулись:

– А где этот пакет?

– Да я прикопал его в одном месте. Завернул в полиэтилен, в банку положил и прикопал... Леший, сука, обещал бабла подкинуть за сохран, я и повелся... А вишь, в какой блудняк встрял... – Колян всхлипнул и сморщился.

– Ладно, ладно, покажешь нам, где пакет и гуляй себе – довольно объявил Седой.

«Хера – гуляй! Хер вы меня отпустите, или я не знаю вашу шатию. Скорее отпустите поплавать на дно к Лешему!» – у Коляна защемило сердце. – *«Эх, братан, братан... На войне Бог не дал помереть, а тут какие-то ублюдки...»*

– Да чо там такое, в пакете-то, я и знать не знаю, – простонал Колян, – Мне и нах ничо не надо, забирайте вы этот с...ный пакет.

– Чо-чо, карта там, карта схрона со стволами и рыжьем, не знал? – Седой остро глянул на Коляна, как бы проверяя – не просочилась ли информация наружу. – Не знааал, вижу... Ну, теперь знаешь. Да ладно, ладно, не ссы, мы тебе бабла дадим, за границей жить будешь, долю дадим!

«Долю дадите, ага. Возле Лешего моя доля... на дне реки».

– Да я и не сомневаюсь, вы же правильные бродяги, не обидите мужика! – Колян подумал – не переборщить бы с спектаклем, а то завошкаются, насторожатся. Нет, вроде сожрали как миленькие, расслабились. Думают, небось – развели лошка, пусть себе надеется.

– А говорили – крутой парень, быстро спекся! С Лешим-то мы долго возились, пока он тебя сдал. Я ему глаз выбил, а он все молчал... А ты вот г. ном оказался, – Хомяк радостно хохотнул.

У Коляна от ненависти сжалось в горле: *«Ну сука, дай мне время! Доберусь я до тебя! Русские своих на войне не бросают».*

Колян всхлипнул:

– Давайте я покажу, где пакет. Съездим вместе заберем, это на «дачных»! Кроме меня никто не найдет, только я ориентиры знаю!

Седой коротко кивнул:

– Хомяк, Гвоздь, Кривой – берите джип, грузитесь и мухой туда-обратно. Там и с бра-теллой расплатитесь...

Бандиты встали из-за стола, утирая руками сальные, испачканные губы и на ходу дожевывая жратву, подошли к Коляну, подняли его под руки и почти волоком потащили к выходу.

Колян старался сильнее виснуть на руках бандитов, изображая полную телесную немощь и душевное сломление – при рывках он жалобно повизгивал и подволакивал ноги.

Его подвели к огромному тонированному джипу и бросили на заднее сиденье. В ногах, на полу, лежали, как он уже успел заметить, мешки и веревки...

«Мне, по-ходу, приготовили, падлы!» – с ненавистью подумал Колян. – *«Даа, Леший, заварил ты кашу... А ведь болтал он что-то про схрон, стволы, рыжье в нем, да я такой похмельный был, что мне пох...й все это было... Да и не верю я во всю эту хрень – сколько ходит карт сокровищ, барских домов и схронов, якобы оставленных немцами! Хотя иногда и правда выкапывали очень крутые вещи. Вон, недавно в Калининграде на рынке появились рарики со штампами музея Кенигсберга. Немцы, когда отступали, упаковали ящики и спрятали в казематах, а наши, когда пришли, все захватили, разграбили, что было ценного – золотишко там, серебро, посуду, а мелочь покидали, да и смешали с землей. А ведь она, эта мелочь, покрупче хабара бывает. Рассказывали пацаны – наткнулись на этот клад такие же, как я, бродяги, сътали землю на сито и просеивали. Много бабла взяли, пока власти не спохватились и не перекрыли ручеек. Много чего тогда было найдено, и на этом хабаре много людей приподнялось».*

Колян уселся поудобнее, зажатый с двух сторон тяжелыми телами бандитов, поморщился: *«Похожье, ребра – сплошной синяк. Хорошо хоть уроды не нашли стилет».*

Кроме стилета был еще один фокус, на который парень возлагал большие надежды на спасение. Этому фокусу Коляна научил один старый уголовник. За щекой у копателя лежало лезвие безопасной бритвы, которое он засунул в рот, пока сидел в чулане, а в умелых руках безопасная бритва – это серьезный аргумент в споре. Колян всегда таскал с собой пару лезвий на всякий случай – и менты не докопаются, если что, и какое-никакое оружие.

За окнами тянулись серые улицы Города. Вот и пост гаи на выезде. *«Может, остано-вят?!»* – с надеждой подумал Колян.

– Сиди, мля, не мельтешишь! – проронил Гвоздь, как будто прочитав его мысли. – Менты тебе не помощники.

Менты равнодушным взглядом проводили пролетевший мимо огромный, с тонированными наглухо стеклами джип, и Коля затосковал. Машину явно знали. Интересы она у ментов не вызвала совершенно.

«Куда как приятнее остановить соломенно-желтую ржавую шаху с хачиками или москвич с колхозаном», – подумал Колян. – «Те будут извиняться, оправдываться, бабла дадут, а тут... А тут СВОИ».

Джип помчался дальше по трассе, громяхая огромными колесами на выбоинах разбитой дороги.

– Так, 3 дачная уже – давай, показывай, куда ехать! – прогудел Гвоздь.

– Ну, дорога сейчас пойдет влево. Там дерево еще такое высокое у пруда стоит, я пакет в банку положил консервную на всякий пожарный – а то квартиры меняю часто, могу потерять, забыть. А потом Леший спросил бы с меня...

Колян, конечно, врал – никакого спроса с него бы не было, да и с Лешим у них были совсем другие отношения, но уроды-то об этом не знали... И слава Богу, что не знали.

Они проехали еще километра три. Место было совсем глухое. Пруд, заросший осокой и ежевикой по берегам, привлекал отдыхающих только летом, когда дачники и горожане, которым было влом ехать далеко, приезжали сюда побухать, а заодно и окунуться в грязную, пахнущую тиной и навозом воду. В конце октября тут было тихо, сыро и холодно, и лишь октябрьский ветер трепал ветви старой, дуплистой ивы на берегу пруда.

– Вот тут надо искать место, ща отсчитаю шаги... Там я банку и зарыл. Лопату мне надо.

– Да есть лопата, на! Только гляди, без шуток! – Гвоздь достал из-за пояса пистолет ТТ, передернул и направил его в сторону Коляна.

Колян отсчитал двадцать шагов в сторону от ивы, сделал вид, что определяется на местности, и стал неторопливо копать, искоса посматривая вокруг.

«Так, Колян, если ты сейчас вопрос не решишь, кормить тебе в этом пруду раков, к гадалке не ходи. Самый опасный – Гвоздь. Эти-то оба лохи – пока достанут стволы, пока поймут что делать – поезд и ушел. А он, Гвоздь, стоит на взводе, осторожный. Вначале его надо нейтрализовать».

Ямка углубилась на метр. Хомяк и Кривой что-то рассказывали друг другу, хихикая и матерясь, Гвоздь тоже расслабился, скучаяще поглядывая на копающего лоха.

«Жить хочет, лошок, а и не знает, что хана ему пришла. Все там будем, но ты – сегодня, а я – ЗАВТРА, – думал Гвоздь. – Вообще, что-то Седой меня загонял, как пацана, я все же авторитет! Может, отделиться со своей кодлой? Но то – война, передел. Нет, а что – взять стволы со схрона, рыжье, и тогда мне сам черт не страшен будет!»

Приятные мысли прервал копающий лох, крикнув:

– Ну вот, я же говорил! Вот она банка!

Гвоздь опутив руку с пистолетом, подошел к нему. Бандиты сгрудились над раскопом, и наклонились, заглядывая в яму.

– Ну вот, вот же она! – Колян незаметно перекатил лезвие во рту, потянулся рукой к лицу, и...

Ррраз-ррраз! – ударил крест накрест по лицу Гвоздя. Правый глаз бандита лопнул, раскрывшись как сырое куриное яйцо. Гвоздь, забыв про ствол, дико закричал и схватился руками за обезображенное лицо. Кровь ручейками бежала сквозь прижатые руки и затекала ему в рукава.

Время как будто остановилось. Колян со стороны смотрел на себя и на площадку вокруг ямы.

Отпрыгнул чуть в сторону, наклонился, резко задрал штанину так, что она лопнула по швам – и стилет с легким шелестом выскочил из ножен.

Кто делал его? Да кто знает – может, наш солдат, выкопавший обломанную плоскую шпагу пока рыл окоп. Может, немец, так же ловивший вшей на передовой. Но главное – это был прекрасный клинок, 30 сантиметров длиной, обоюдоострый, заточенный Коляном до остроты бритвы. Рукоять стилета из дерева, давно сгнила, и Колян сделал новую рукоятку, обмотав ее прочным сыромятным ремнем, чтобы не скользила ладонь при ударе.

Нож привычно порхал из руки в руку как ласточка – согласно всем приемам ножевого боя. Бандюки, как в замедленной съемке потянулись за пазуху, видимо, за стволами.

Выпад! Чирк по сонной артерии! Фонтаном брызнула кровь. Обратным плавным секущим движением – по бедру второго, глубоко, до кости распахав в полуприседе внутреннюю часть бедра. Еще фонтан крови – бедренная артерия задета.

«Глаз, говоришь, выбил Лешему?!»

Выпад! Стиллет погружается в глаз Хомяку и входит в мозг. Тяжелый бандюган падает как телеграфный столб, подпиленный колхозниками.

Второй бандит, зажав горло одной рукой, пытается другой направить ствол в сторону Коляна.

Чирк! Сухожилия запястья перерезаны самыми страшными в ножевом бое режущими ударами. Пистолет падает на землю.

Выстрел... один... другой!

Колян в перевороте ушел кувырком вперед и оглянулся – ослепленный Гвоздь палил наугад по звуку в сторону схватки.

Копатель коротко размахнулся и метнул стилет – тот пробил шею Гвоздя со стороны сонной артерии и вышел с другой стороны острым, блестящим концом старинной стали.

«Крутой мужик, – подумал Колян. – Крепкий! Надо подождать, пока откинется...»

Гвоздь расстрелял обойму, мягко осел на колени, упал на бок и затих.

В умирающем мозгу бывшего спортсмена яркой вспышкой пронесли картины – он на пьедестале, вокруг толпа на трибунах неистово бушует и радуется его победе. Дом в деревне и на его пороге старая мать, умершая много лет назад, так и не дождавшись домой сына, который уехал побеждать в далекий Город. Гвоздь ощутил аромат яблок и сдобы, идущий от ее теплых рук и подумал: «Наконец-то я дома... мама!» И умер.

Колян с дрожью во всем теле опустился на землю возле трупов. Посидел минуты три, утихомиривая дыхание. Потом приподнялся, обшарил Хомяка, стараясь не испачкаться в крови, достал из его кармана пачку сигарет, и с третьего раза закурил, чувствуя, как напряжение оставляет его, улетающая с клубами горьковатого дыма.

«Так, что же будем делать, Колян? Надо мухой пробираться к дому, брать пакет Лешего и валить из Города, пока меня тут не поджарили!»

Обшарил остальные трупы, забрал деньги, просмотрел документы и сложил их в карманы. Выбрал себе ствол. Ему понравился «глок» Кривого – у Хомяка и Гвоздя были простые ТТ. Но патроны к «глоку» не найдешь... Наш тэтэшник, хоть и старье, но прошивает броник как картонный и патроны достать легко, да и привычнее он как-то. «Глок» он оставил покойникам.

Коля продолжил копать начатую яму, и, когда она ему стала по пояс, стащил туда трупы и быстро забросал землей... *«Все равно найдут, но до весны долежат – снегом запылят и ладно. А мне надо времени немного, успею обернуться, пока чухнут. Искать уродов будут, но... Где я живу они не знают, бабло с трупов у меня есть, джип возьму – стекла у него тонированные – не видно кто едет, да и менты машину знают».*

Решительно подошел к джипу, сел на сиденье, отрегулировал его по себе – Гвоздь был очень крупным мужиком, ноги Коляна едва доставали до педальки машины... Но, как говорил тренер по единоборствам: «Ребята, главное – не гора мышц, главное – скорость! Не перекачи-

вайтесь! От удара ножом никакие мышцы не спасут, только такая же скорость!» Колян запомнил его слова...

Он повернул ключ зажигания, мощный двигатель низко зарычал. Передвинул рычаг в положение «вперед» и машина, выбросив из под колес песчаный грунт, двинулась вперед...

Впереди маячила неизвестность, но Коляну было не привыкать идти вперед, не зная, будет ли он жив через час, два, день, месяц, а может и через одно мгновение...

Глава 3, в которой Колян читает письмо с того света

Огромный джип утробно урча выбрался на лесную дорогу, похрустывая утренним льдом в лужах, и, разбрызгивая грязь, крупными ошметками разлетающуюся по сторонам, потянул в сторону трассы.

Колян сидел в кожаном кресле машины и его внезапно охватило противоречивое чувство: с одной стороны кайф – *«Удобно, хорошо сидеть»*, с другой досада – *«Вот суки, могут же жить! А я почему так не могу?»*

Вероятно, именно с таких мыслей и начинались все революции, в результате которых уже НИКТО не мог ехать в таких вот креслах, кроме тех, кто вовремя ВОЗГЛАВИЛ народную стихию. А такие, как Колян, всегда были и будут пушечным мясом, расходным материалом, умиравшим за непонятные идеи по приказу дурных военачальников и бездарных правителей. Как сказал один советский военачальник, когда ему указали на то, что благодаря его приказу ожидаются невероятные потери наших солдат: *«Это же война! А русские бабы еще нарожают!»*

Коля старался об этом не думать – такого рода размышления отнюдь не помогали выжить в нынешнем беспокойном, враждебном людям мире, но могли испортить настроение на весь день.

Да и когда этот мир был добр к человеку? Природа время от времени приходит к выводу, что человек – лишний на этой планете, и стирает его как раздавленного жучка с лобовухи автомобиля. Катастрофы, войны, эпидемии – миллионы людей гибнут, не успев пожить как следует, воспитать детей, построить дом, влюбиться по-настоящему...

«Надо оставить машину на соседней улице, – стряхнул с себя грустные мысли Колян. *– Иначе бабки у подъезда офигеют, когда такой нищий кадр, как я, подкатит к дому на джипе. Тем более, что светиться мне совершенно не с руки. Забрать пакет, подхватить оставшийся хабаршишко, барахло (благо его мало) и валить надо с квартиры. Где гарантия, что они не просекли это место? Не надо недооценивать противника. Лучшие переоценить».*

Мелькнул знакомый пост ГАИ со скачующими мордатými гайцами. Потянулись пригородные пейзажи Города – покосившиеся грязные домишки, шиномонтаж на обочине, тошнеловки хачиков с недожаренной собачатиной и паленой водкой.

Затянул морозящий, гадкий дождик. Встречные грузовые машины обдавали джип волнами желто-коричневой взвеси, оседающей на стекле непроницаемым ковром. Спасали лишь мощные дворники да омыватель стекол, выпускающий потоки жидкости, похожие на струи брандспойта.

«Главное случайно в городе на них не наткнуться. А остальное пофигу, меня так просто не достать, – думал Колян. *– Бабло у меня есть, слава Богу, они не вкурили, что я пять тонн баксов у барыги взял. Кроме того, с этих эжмулов снял тонны две – жить можно. Перво-наперво хату себе спроворить, с этой валить надо точно, я уже там два месяца сижу, примелькался. Могут просечь. Хорошо бы тачку какую-никакую взять, копейку или шаху. Эти уроды говорили про схрон с хабаром – вдруг вывезить придется, не в рюкзачке же в самом деле таскать... Глупо, да и засветишься. Хммм... Ты что, Колян, поверил в схрон с рыжьем и стволами? А почему бы и нет. Не стали бы такие люди как Седой пустой базар держать по теме да людей валить. Что-то там есть... Бог знает что, но есть, и теперь это мое наследство от Лешего».*

У него опять защемило сердце. Когда уходят друзья, ты как будто теряешь часть самого себя, кусочек сердца, души...

Колян не мог выразить это чувство словами. Вся его жизнь была выживанием начиная с тех самых пор, как он никому не нужным нищим пацаненком слонялся по двору и лишь чудо

(в армию забрали вовремя) уберегло его от отсидки и уголовного будущего, которое ждало большинство соседских пацанов.

Жизнь не сделала его злым парнем. Здоровый цинизм, понятия о порядочности и дружбе – все это у него было. Вот только рассуждать об этом высоким штилем он не умел.

Он отгонял мысли. Так ведь намного легче жить, не думая ни о чем. Именно поэтому в армии все казалось проще. Там за него думали командиры. В гражданской жизни думала власть, подкрепленная телевидением, газетами и другими механизмами отупления народа. Коля был продуктом своей эпохи, человеком войны, человеком, рожденным, чтобы умереть молодым. И он слишком хорошо знал, что бывает с теми, кто дает волю плохим мыслям. Страх и безнадега 90-х отправили на тот свет больше людей, чем самые жестокие бандиты.

Город принял в свои кривые грязные улочки бандитский джип с новым хозяином. Потянулись знакомые скверы. Вот и Заводской район, в котором Колян снимал квартиру – тут жить было подешевле и попроще...

Коля припарковал джип у бордюра, обшарил его еще раз напоследок, прихватив лежавшую на заднем сидении сумку с продуктами и выпивкой – чего добру-то пропадать. Найденной тряпочкой на всякий случай вытер руль и все поверхности, которых он мог коснуться, оставив отпечатки пальцев.

Поморщившись от боли в отбитых ребрах, копатель вылез из машины, оставив ключ торчать в замке зажигания – может, кто угонит, район-то лихой, все больше путаницы будет. Дворами пробрался на соседнюю улицу и направился к своему дому, внимательно осматриваясь по сторонам.

Вечер, туманный осенний вечер опустился на город, промозглый ветер раздувал клочковатые облака по небу. Он не встретил по дороге ни одного человека.

Дверь подъезда хлопала деревянной половинкой, жалобно повизгивая и вздрагивая от каждого порыва ветра. Колян поднялся по пыльной, пахнущей кошачьей мочой лестнице, внимательно поглядывая в окна на лестничной площадке – в грязном стекле отражалась лестничная площадка, и можно было легко рассмотреть, что находится на лестнице этажом выше. Безопасность превыше всего.

На этот раз он без приключений дошел до квартиры, открыл обитую дерматином дверь желтым, окисленным от времени ключом, разулся, бросил куртку и шапку на тахту, устало опустился рядом и стал думать, что делать дальше.

Посидев всего пару минут, Колян поднялся, подошел к антресоли, поставил табуретку и залез наверх, открыв створки. Вот он, пресловутый пакет, за который погиб Леший, за который Колян чуть не лишился жизни.

Ловко спрыгнул на гулкий пол квартиры из облупленных, крашенных поносной коричневой краской горбатых досок, сдул пыль с пакета и чихнул от попавшей в нос пыли.

«Увесистый пакет, – подумал Колян – что там Леший натолкал?»

Он надорвал прочную обертку из толстой бумаги и вытряхнул содержимое пакета на диван.

Выпала топографическая карта генштаба, затем пожелтевшие страницы с выцветшими, набранными на печатной машинке буквами. Все это припечатала пухлая пачка долларов. Колян прикинул ее на ладони.

«Тонн десять, по-ходу...»

Он развернул записку, лежавшую сверху, подписанную: «Коляну»:

«Колян, братуха, если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Я всегда знал, что ты прикроешь мне спину, если что... Прости, что травил тебя в эту засаду.

Как ты знаешь, в городской архив меня по знакомству пускает мамкина двоюродная сестра, и я там в очередной раз искал инфу о хабарных местах: старые карты, упоминания о боях. И случайно наткнулся в чулане на какие-то пыльные старые коробки. Спросил у тети

Светы – что за ящики. Она мне сказала, что работает в архиве уже 20 лет, но до сих пор не знает, что там лежит. Лет 15 назад, после пожара, военный архив и городской архив «переселили» в это здание. Кинули ящики в угол и забыли про них. Мол, скорее всего, ничего там нет ценного. Я спросил разрешения посмотреть, что там. Она махнула рукой – да ради бога, только никому не говори, что я тебе разрешила – мало ли, начальство услышит.

Я оттащил коробки в укромный угол и стал их разбирать. Это были рапорты, хозяйственные отчеты, донесения, в общем – всякая хрень, напечатанная офицером НКВД, приданным партизанскому отряду, который воевал в тылу немцев неподалеку от нашего города.

И лишь один документ меня поверг в шок – рапорт о нападении партизанского отряда на немецкие обозы и перечисление захваченного имущества. Прочитай его обязательно. Я стал искать место нападения, сопоставляя старые карты, метки урочищ и документы о расположении лагерей и баз партизан.

Кстати, после этого удачного налета, отряд был практически полностью уничтожен, а капитан Селин, что составлял отчет, был убит, и лишь документы были спасены в целостности и сохранности – он успел оставить их связнику в деревне. Связник после войны передал документы в военную прокуратуру, там они пролежали довольно долго (на папке штамп и роспись – «Передать в архив», а рапорт и акт хранились в заклеенном конверте с надписью «Совершенно секретно»). Никто не удосужился разобрать документы по листочку, как следует... Бардак, он и в те годы был бардак.

На карте генштаба я отметил то место, где предположительно был схрон партизанского отряда, их запасная база. Информация хранилась в строжайшем секрете, а, значит, есть надежда, что ничего до сих пор не тронуто.

Желаю тебе удачи, братан. Если найдешь схрон – пришли долю (сколько сможешь) моей мамке с сестрами. Больше ей помочь некому. Адрес: Город, ул. Лесозаводская, дом 14 а кв.38, Федорина Мария Сергеевна.

Я попробую выйти на барыгу – сбить хабара оптом. Как бы он, сучара, правда, меня не вложил братве.

Но если у меня не получится... Живи, братуха, и не горюй! Все там будем. Отомсти за меня, если сможешь.

Твой друган Леший.

P.S. Тут 10 тонн баксов, возьми себе половину, а вторую подкинь мамаше.»

У Коляна защипало в глазах. Он потер глаза тыльной стороной руки и задумался: «Значит, правда есть что-то в схроне и это «что-то» ооочень непростое, раз Седой взялся за дело. Седой с мелочевкой дела не имеет. Надо почитать этот рапорт...»

Коля развернул пожелтевшие бумаги, положил на потресканный, с облупившимся коричневым лаком, журнальный столик и углубился в текст.

Совершенно секретно.

«В отдел НКВД. Начальнику отдела НКВД по... полковнику НКВД тов. Краснову Е.М.

Докладываю, что... года партизанским отрядом под командованием Каргопольского И.М. было совершено нападение на охраняемый обоз фашистов, в составе: 3 автомашины с грузом, 2 бронетранспортера, 5 мотоциклов. Было уничтожено 43 фашиста, в том числе 1 офицер гестапо. Потери личного состава составили: 3 человека убитыми и 5 ранеными.

Захвачен груз: 300 автоматов, 250 винтовок, 10 пулеметов МГ, 20 ящиков с ручными гранатами, 300 противопехотных мин, 300 цинков с патронами к автоматам и винтовкам, 100 коробок лент к пулеметам, 150 комплектов формы рядовых вермахта, 200 комплектов нижнего белья рядовых вермахта, 200 шерстяных одеял...

Колян мельком проглядел перечень барахла – белье и одеяла его никак не заинтересовали. Вдруг, ниже, не веря своим глазам, он прочитал:

... 400 килограммов ювелирных изделий из золота и платины с драгоценными камнями. Золотые зубы и слитки золота в металлических ящиках.

У Коляна перехватило дух:

«Ни хера себе! Вот тебе и Леший... Вот это чувак! Накопал инфу, так накопал! И где же все это счастье лежит?!» Он снова обратился к письму.

Заканчивался рапорт так:

«...Все вышеозначенное имущество было перевезено на запасную базу № 3 и сложено в схрон. Месторасположение склада и его содержание известно кроме меня замполиту Седлецкому, бухгалтеру Кокорину, командиру отряда Каргопольскому.

Подводы с имуществом были доставлены возчиками к краю леса, затем мы вчетвером перевозили имущество и перегружали в склад. С целью обеспечения секретности к складу не был допущен никто, кроме нас четверых.

Затем был составлен акт об инвентаризации и хранении означенного трофейного имущества, в количестве...

...года капитан НКВД Селин.»

Колян взял в руки акт передачи барахла, зачем-то посмотрев его на свет. Потом раскрыл карту генштаба с пометками Лешего и увидел небольшой крестик с карандашной надписью рукой Лешего – *«где-то тут!»*

Присвистнул – ведь это глухой лес в километрах ста от Города. Место окружено болотом – с одной стороны, с другой – река, буреломы. Не больно-то туда долезешь.

«Мне нужна тачка вроде УАЗа, – подумал Колян – Иначе хрен доберешься. Это, конечно, не проблема. Бабло есть, завтра посмотрю объявления и возьму себе что-нибудь приличное. Пешком не климатит шастать... Да и не унесешь столько хабара на своем горбу. Из Города бы еще выбраться, пока бабку не снесли. Что же делать – сейчас свалить, или до завтра подождать? Как бы не обложили меня... А и куда в ночь идти? Если только... Ну да, к Катюхе – старая любовь не ржавеет».

Ухмыльнулся, вспоминая.

Катюха работала девочкой по вызову. Типичная деревенская девка, жадноватая и не великого ума, но если ее подмазать – пару ласковых слов, сотку баксов и жратву подкинуть – вполне можно было бы у нее зависнуть на пару дней и как следует подготовиться к поездке.

Он познакомился с Катюхой после удачной сдачи хабара. Возвращаясь домой, он увидел на стене визитку фирмы досуга и подумал – почему бы и нет? Он что, не мужик что ли?

Так Катюха оказалась в его комнатухе. И, как обычно поступают такие девицы с хорошими клиентами, сунула Коле телефончик своей съемной квартиры. С тех пор он время от времени позванивал Катюхе, то навещая ее там, где она жила, то вызывая к себе, когда влом было куда-то ехать.

Коля собрал свои нехитрые пожитки, положил в рюкзак оставшийся мелкий хабар, сунул в нагрудный карман пакет с картой и документами. Потом передумал и снова достал бумаги. Вынул зажигалку, подошел к расписному, под хохлому, подносу на столе, сложил на него отчеты, карту, помял и поджег. Старые бумаги вспыхнули ярким, коптящим пламенем, потом сжались в черные, с красными краешками угольки и потухли.

Колян задумчиво перемешал карандашом пепел, повернулся и пошел к выходной двери.

Карта прекрасно отпечаталась у него в памяти, а таскать с собой такую опасную бумагу он не собирался. Лешего это ни к чему хорошему не привело...

Коля распахнул дверь, обитую дерматином, разодранным по низу злыми кошками, захлопнул английский замок и стал спускаться по лестнице, тускло освещенной уличным фонарем через грязное, засаленное окно.

Спускаясь, он внезапно ощутил запах табачного дыма, тянувшийся снизу. Осторожно посмотрел с лестничной площадки на подъездную дверь, ожидая самого худшего, но там стояли всего лишь два алкаша, обнявшиеся в приливе пьяной братской нежности.

Он незамеченным прошел у алкашей за спиной и шагнул в ночную тьму, навстречу неизвестности...

Глава 4. В которой Колян заряжается и снаряжается

Ночная улица встретила Коляна промозглым холодом и мелкой моросью. Он дошел до остановки и спохватился, что в столь позднее время автобусы и троллейбусы не навещали эту тьмутаракань. Поднял руку, тормознул какую-то ржавую копейку с работой за рулем, видимо подрабатывающим вечерами после работы. Зарплату на заводах не давали месяцами, поэтому все, у кого была машина – от рабочих до инженеров – выезжали вечером на промысел. «Набомбив» деньги, можно было протянуть еще некоторое время.

Работа «извозчика» была опасной и страшной – не проходило и недели, чтобы в новостях не сообщили о нападениях на таксистов или обычных водителей, но выбора у многих из них не было. Жить-то на что-то надо?

Колян быстро договорился с водилой, и копейка, громыхая подвеской на выбоинах мостовой и гремя раздолбанным движком, понесла его на другой конец Города.

Колян сидел на продавленном, с выпирающими пружинами сиденье, и мысли его текли размеренно, четко и неторопливо:

«Долго у Катьки находиться нельзя. Могут сдать. Та же Катька – баба неплохая, но все зависит от цены вопроса... Если Седой поднимет все свои связи – может и просечь фишку. Кто-то, может, слышал, что я с ней кружился, кто-то вякнет, что меня с ней видели... В общем, времени у меня хер, да маленько, а именно – дня два. За это время надо присмотреть УАЗ, и не мелочиться – взять приличный аппарат. Смешно будет, если я застряну посреди трассы со стуканувшим движком или вылезшей полусосью, отправляясь за несметными сокровищами. Да и там еще неясно как дела с подъездом. Может, придется пробиваться к месту, как на танке. Увезить хабара надо столько, сколько смогу – потом можно и опоздать... А после этого прикуплю домик где-нибудь в деревушке подальше отсюда, и отсижусь, пережду, а там война план покажет».

За этими мыслями Колян незаметно подъехал к улице Красногвардейской, где обитала Катька, вышел из машины, расплатился с усталым, потрепанным жизнью водилой, и пошел к телефону-автомату:

«Надо позвонить. Как говорится, правильный муж, приезжая из командировки, всегда звонит жене, если не хочет выглядеть глупо, застав в своем доме чужого мужика».

Колян хихикнул про себя и утвердился в решении:

«Надо позвонить в натуре – хер знает кто там у нее, береженого Бог бережет...»

Сунул в автомат карточку, набрал Катькин номер. После долгой серии гудков она наконец сняла трубку:

– Слушаю!

– Катюх, это Колян. Я у твоего подъезда. Ты как, пустишь бродягу?

– Колян?! Да ты охренел, ночью бродишь... Ну пущу, коль пришел. Только разоспалась, весь сон перебил... Давай, подымайся, ща открою!

Колян вошел в подъезд и поднялся на третий этаж. Дверь в Катькину квартиру распахнулась, как только он ступил на площадку – видно, следила в глазок. Колян вошел в прихожую и закрыл дверь. Катька стояла босая в одной ночнушке, опираясь на дверь и зевая, как три бегемота вместе взятых.

– Ты чо на ночь глядя удумал? И не позвонил заранее! А если бы я занята была?

– Ну если бы да кабы... Не занята же.

– А чо с вещами-то? – у Катьки удивленно расширились глаза.

– Катюх, перекантоваться мне надо пару дней... Проблемы у меня. Бабло есть, не переживай.

– Проблемы? Ты меня во что хочешь впутать? Мне и так проблем хватает. Вчера на заказе попала к уродам, думала живой не уйду – бандюки драли во все дырки всю ночь и ничего не заплатили. Я Пашке пожаловалась, а Пашка заткнулся и все – какие то крутые оказались, он и перессал. А может и похеру ему просто. Ладно, раздевайся, проходи... Ты сколько пробудешь у меня?

– Да дня два максимум, кля! Потом свалю, как разберусь немного.

– Ну, с тебя 500 баксов. Пашке тогда скажу, что братан двоюродный из деревни приехал, поживет у меня пару дней, мол... Он тебя все равно не помнит, мозги все пропил.

Колян скинул рюкзак в прихожей, поставил на пол пакет с барахлом, стянул куртку и, повесив ее на вешалку прошел в комнату.

Катюха жила в двухкомнатной квартире, чистенькой, без особых изысков. Обычная хрущоба, впрочем, имела два больших плюса. Это – горячая вода в любое время года (благодаря газовой колонке) и нелюбопытная хозяйка. Плату она получала вовремя, хулиганства не было, а все остальное ее не волновало. Деньги ведь никогда не бывают лишними, особенно когда пенсию не дают по полгода.

Напряжение стало немного отпускать Коляна. Пока все шло как надо.

Он вернулся в прихожую, взял пакет, который забрал из джипа – с продуктами и спиртным – отнес его в зал и стал выкладывать содержимое на стол.

– Давай, Катюх, пожрем что ли... Я с утра... хммм... Не с утра даже, со вчерашнего дня ничего не жрал, некогда было. Живот аж подтянуло. Накрой на стол, тут вроде винишко неплохое, я знаю, ты любишь красненького хлебнуть.

– Ну уж и люблю! Все ты выставляешь меня алкашкой какой-то, – фыркнула Катька и стала споро раскладывать, нарезать колбасу и ветчину, хлеб, расставлять рюмки и тарелки.

Колян откупорил бутылку с каким-то итальянским вином, разлил в фужеры... Они с Катькой чокнулись, выпили. Колян осторожно отхлебнул пару глотков – на голодный желудок спиртное действует как бомба – и стал жадно рвать зубами все, до чего мог дотянуться – остывшую курицу гриль, сухую копченую колбасу, сыр, почти не замечая вкуса. Он зверски проголодался.

Катька о чем-то болтала, грузила какими-то своими родственниками, которые куда-то там поступают, кто-то болеет, кто-то куда-то уехал. Колян был до фени проблемы катюхиной многочисленной колхозной родни, но он вежливо вставлял между ее тирадами междометия типа – «ага» – «угу». Не стоило обижать Катьку невниманием, да он и не хотел. Баба-то она, в общем, была неплохая, просто не повезло ей в жизни. В деревне у них с матерью сгорел дом, и они выскочили на улицу, в чем были, а после этого подались в город искать лучшей доли. Мать нашла какого-то мужичка, пристроилась к нему полуженой-полуприсялгой, а Катька пошла в первую попавшуюся фирму досуга за заработком и за поиском мужа.

Как ни странно, многие девочки по вызову довольно быстро находили себе мужа из числа бывших клиентов. Правда, Колян не верил, что из этого могло получиться что-то путное – любой мужик всегда будет помнить, что жена – бывшая шлюха, и что он платил ей деньги за секс, и что ее имели сотни, а может, и тысячи мужиков. Это – миф, что из проституток получают очень верные жены. Наверное, сами проститутки и распустили эти сказки по свету, мечтая о несбыточном.

Колян наконец наелся и, отдуваясь, откинулся на спинку стула. Катька тоже осоловела от выпитого и несла уже совершеннейшую хрень, в которую Коля даже не пытался вникнуть.

Он прервал ее изливания:

– Ну что, Катюх, спать пора! У меня сегодня был тяжелый день. Где меня положишь?

– Ну где, где... Со мной ляжешь... Я, что, стелить заново буду?

– Ладно. – Колян достал и отсчитал 500 баксов, положил на стол – На, возьми, чтоб не думалось.

Катюха коршуном налетела на деньги и унеслась с ними в другую комнату, видать – заныкать куда-то в тайное место. Потом крикнула:

– Иди, ложись. Свет только погаси в зале, а то и так жгу столько, что хер расплачусь.

Колян щелкнул выключателем и пошел в спальню. Там стояла огромная двуспальная кровать, этакий сексодром. Катька развалилась на ней в позе, которую, видимо, считала особо соблазнительной – томная, полуприкрыв глаза и соблазнительно задрав до пояса кружевную ночнушку.

«Фильмов эротических нагляделась, – устало подумал Колян. – А мне сейчас не до кувырканий, все болит, как у бродячей собаки».

Он стал медленно раздеваться, стянул джинсы, свитер, и Катька охнула, увидев огромные синяки на ребрах, кровоподтеки на голенях ног, на бедрах.

– Ни хера себе! Кто это тебя так?!

– Да так... Поспорили с пацанами кое-о чем, – хмыкнул Колян. – Забудь. Лучше выдели мне шампунь, мыло и полотенце, надо в душ сходить – я как свинья грязный.

Он пошел в ванную, а Катька зашуршала по ящикам, собирая банные принадлежности. Потом зажгла газовую колонку, крикнув Коле, чтобы он начинал мыться.

Колян стянул трусы, встал под горячие струи воды и в блаженстве замер, поливая себя из «лейки». Избитое тело ныло, мышцы, перетруженные предельными физическими нагрузками, болели.

«Вот тебе Колян и бухалово, вот тебе и лежание на диване – форму потерял, теперь терпи!» – поморщился он.

Стукнула дверь ванной, вошла Катька:

– Давай я тебе помогу, а то на тебя глядеть страшно. Отбивная какая-то. Я аккуратно, не бойся.

Коля с благодарностью кивнул и Катька, осторожно касаясь избитого тела, стала его намазывать, время от времени уделяя внимание его мужскому достоинству.

Колян про себя хмыкнул – баба есть баба...

Наконец она его сполоснула и вытерла полотенцем:

– Оставь трусы на полу, я простирну щас.

Коля пошел в спальню, бухнулся на кровать и тут же заснул, едва успев накрыться одеялом. Проснулся он только тогда, когда Катька, разочарованная пассивностью «ухажера» и возбужденная видом голого парня, пустила в ход весь арсенал уловок, которые могут пробудить к сексуальной жизни и импотента. Колян импотентом отнюдь не был, а умения, отточенного на сотнях мужчин, у Катьки хватало с избытком. Потому Колян волей-неволей подмял под себя довольную девицу, а потом она сама забралась на него верхом и попрыгала, к обоюдному удовольствию обоих. Устав и получив то, что хотела – Катька упала рядом, разгоряченная и довольная.

Через несколько минут она уже сопела во сне, источая запах вина и здорового женского тела.

Колян еще немного подумал о превратностях жизни и минут через пятнадцать тоже провалился в беспокойный, тревожный сон. В нем он куда-то бежал, потом вдруг оказался под водой и тонул, задыхаясь, пытаясь вырваться на поверхность, но не мог, запутавшись в длинных, скользких водорослях...

Колян по привычке проснулся в 8 утра. Катьки уже не было – на столе лежала записка, что она пошла в магазин за хлебом и др. Что означало «др.» Коляна не заинтересовало – и без этого дел было невпроворот.

Он нашел в зале газету «Из рук в руки» трехдневной давности с объявлениями о сдаче недвижимости, обведенными авторучкой, полистал ее, и начал изучать раздел по продаже автомашин. Ничего подходящего среди продающихся тачек пока не было, кроме одного объявле-

ния – какой-то экстремал продавал узик. Как было написано – «подготовленный к ралли, с электрической лебедкой, лифтованный, на импортной резине».

Цена была, конечно, запредельная – для УАЗа, но бабло у Коляна было, а экономить на колесах, как он решил, было глупо.

Быстро созвонился с хозяином, поторговался, скинув баксов триста, и договорился, что возьмет тачилу по генеральной доверенности – так было быстрее и светиться особо не надо, дождался прихода Катьки из магазина и поехал на встречу с продавцом машины.

Оформление у нотариуса не заняло много времени и после расчета с экстремалом, Коля уехал уже на машине.

Аппарат был крепкий, ухоженный, с новым салоном, импортными сиденьями, резина торчала шипами как у ГАЗ-66. В общем, выглядела машина очень недурно, Коля был доволен своим приобретением.

На обратном пути он заехал на рынок, где купил продуктов, одежды, спальный мешок, хорошую лопату, бензопилу, топор – в общем, все, что нужно для длительного путешествия по пересеченной лесной местности. Кто знает, что его ожидает в конце пути.

Загрузив УАЗ под завязку, он поехал к Катьке.

Они вместе позавтракали (а заодно и пообедали, так как время уже было за полдень), быстро покувыркались в постели – Катька была ненасытна, а его вполне устраивало положение лежа на спине – пусть себе трудится. Отрабатывает свои пятьсот баксов.

Затем он наскоро попрощался с немного погрузневшей Катькой и спустился к машине.

Центр города мелькнул незаметно, отлаженный мотор УАЗа ровно гудел, шипастые колеса выли по мостовой и разбрасывали брызги и ошметки грязи, распугивая прохожих.

Колян заехал на заправку, залил полный бак бензина и еще три сорокалитровые канистры – в поле заправиться негде, а расход УАЗа очень даже внушительный. Тем более на пересеченной местности.

Вот и выезд из города. Пролетел мимо окон пост ГАИ с друзьями бандитов, замелькал пригород с дачными домишками, сломанными автобусными остановками и голыми осенними деревьями, исхлестанными ветром и дождем. Уаз ровно гудел внедорожной резиной, гулко постукивая на стыках бетонных плит, которыми было выложено шоссе. Ехать еще триста километров.

На улице сгущались сумерки. Колян рассчитывал заночевать где-то у трассы с тем, чтобы выйти на проселок засветло – дороги превратились в кисель и в темноте вляпаться «по самое не хочу» можно было запросто. У него был и хайджек, и лебедка, но возиться в грязи, да еще ночью – удовольствие далеко не из самых приятных.

Колян включил подсветку, фары. Сидеть было удобно – прежний хозяин воткнул в салон сиденья то ли от опеля, то ли от какого-то джипа. Печка тихо сопела, распространяя живительное тепло по отделанному кожей салону машины.

Колян, автоматически следя за дорогой, размышлял о том, какую же ошибку допустил Леший, как он вывел на свой след толпу этих негодяев.

«Похоже, Леший решил через барыгу наладить сбыт сχροна – рыжья, стволов. Седой об этом узнал и взял барыгу в оборот. Барыга, естественно, быстро раскололся и сдал Лешего. Леший, почуяв за собой хвост, подготовил пакет, передал его мне и хотел свалить из Города. Но не успел. Теперь главное – не проколоться, как он.»

Что мы имеем? Склад оружия, боеприпасов, барахла. Что самое ценное там? Рыжье. Все остальное вторично. Рыжье и в Африке рыжье. Как только я выйду на рынок со стволами, тут же засвечусь, и меня сдадут или ментам, или Седому – что, впрочем, без разницы. Менты работают в связке с Седым.

Рыжье можно сбить и как лом, и как ювелирные изделия – где угодно. Проблема только одна – пока жив Седой и его прихлебатели, покоя мне не будет. Их надо валить – однозначно.

Иначе будет земля гореть под ногами, такой куш Седой никогда не упустит, меня будут искать везде. Конечно, можно попробовать свалить куда-нибудь подальше – Седой не всемогущ, и вряд ли отыщет меня за три тысячи километров. Но... Как же Леший? Душа его не упокоится, пока я не завалю этих козлов! Никто не может убить моего друга и остаться при этом безнаказанным. Я не смогу жить спокойно, зная, что эти суки жируют, а Лешего едят раки! Так что выбора нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.